

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С.В. Жаворонков

к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара (Москва)

В.В. Новиков

старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

А.А. Прощенкова

магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ РЕФОРМ: ОПЫТ RETROSTATE НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Аннотация. В статье обсуждаются итоги тридцатилетия постсоветских реформ на примере сопоставления двух сырьевых стран — России и Казахстана. Россия обладала значительно лучшими стартовыми условиями, но в настоящее время показатели ВВП на душу населения двух рассматриваемых стран фактически сравнялись, а в сфере привлечения иностранных инвестиций на душу населения Казахстан лидирует. Рассматриваются три основных аспекта экономической политики — финансовая стабилизация, приватизация и привлечение инвестиций. В сфере финансовой стабилизации страны шли похожими курсами и осуществили её в достаточно растянутый период — около четырех лет. Приватизация же проводилась одинаково только на первом, чековом, этапе. Россия пошла по пути передачи крупной собственности отечественному бизнесу на инсайдерских условиях, а Казахстан — по пути привлечения крупных международных инвесторов на условиях индивидуальных соглашений. В сфере поощрения инвестиций Россия предпочла путь создания территорий с льготным налоговым режимом («Сколково», ТОРы, ОЭЗ), Казахстан — путь создания МФЦА «Астана», который, кроме налоговых льгот, обладает собственным признаваемым государством судом на основе английского права, представленным авторитетными иностранными судьями.

Ключевые слова: *финансовая стабилизация, приватизация, привлечение инвестиций, судебная защита прав собственности.*

JEL: E31, N54, N55, O13, O43.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_74_88.

¹ Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

Общие итоги рыночных реформ на постсоветском пространстве

На постсоветском пространстве различные государства пошли по разным путям в ключевых областях реформ: финансовой, а затем и бюджетной стабилизации, приватизации, управления остающейся государственной собственностью, привлечения иностранных и внутренних инвестиций, развития социальной сферы, образования, здравоохранения, пенсионной системы. Собственно, именно об этом в сравнительном анализе достижений разных государств и стоит поговорить. Тридцатилетний срок с момента распада СССР — вполне достаточное время, чтобы подводить итоги. И тут интересно сравнить Россию и Казахстан как государства со сходной во многом экономикой ресурсных стран, имеющих сходные достоинства и недостатки.

Стартовые условия в России были заметно лучше. Так, согласно последнему ежегодному справочнику Госкомстата СССР, вышедшему в 1991 г., товарооборот на душу населения в Казахстане был на четверть ниже, чем в РСФСР. Собственное производство товаров народного потребления в 1990 г. на душу населения в Казахстане составило 881 руб., в РСФСР — 1664 руб. И это при том, что даже российский товарооборот и производство были категорически недостаточны. Казахстан не имеет выхода к морю, открывающему путь к прямому сообщению со странами мира. Он не обладал и никакими особыми навыками управления и сбыта продукции крупных предприятий, все они относились, как тогда говорились, к «союзному подчинению».

Однако сейчас Казахстан в каких-то отношениях сравнялся с Россией, а в каких-то заметно её обошел. Так, душевой ВВП в текущих ценах двух рассматриваемых стран практически одинаков: в 1995 г. 11 075 долл. в Казахстане. и 11 786 долл. в России². В Казахстане он вырос в три раза, а в России — только в два, если мы будем сравнивать 1995 и 2019 г. (1995 г. берется за точку отсчёта потому, что только к этому времени статистика постсоветских государств перешла с советских на мировые стандарты.) Еще внушительнее будут результаты роста душевого ВВП, рассчитываемого по ППС: в Казахстане он увеличился в два раза, а в России — только на 25%. По уровню душевого ВВП, рассчитываемого по ППС (25 022 долл., данные МВФ)³, Казахстан вошел в группу стран со средним уровнем доходов и даже опередил Россию по этому показателю в допандемийном 2019 г. Следующий по уровню душевого ВВП Туркменистан отстает почти вдвое.

К слову, если говорить о странах бывшего СССР (и даже если исключить государства Балтии, получившие крупный грант от Европейского союза на выравнивание уровня жизни), надо отметить, что по итогам тридцатилетия уровень жизни вырос повсюду, что опровергает мифы о каких-то якобы разоривших страны рыночных реформах. Душевой ВВП вырос в Российской Федерации и Кыргызстане в 2 раза, в Украине — в 1,6, в Беларуси — в 3,3, в Казахстане — в 3, в Узбекистане — в 2,8, в Таджикистане и Туркменистане — в 3,8, в Молдове — в 2,2, в Грузии — в 4,6, в Армении — в 4,5, в Азербайджане — в 4,7 раза. Здесь стоит учесть, однако, что страны, пережившие полноценные гражданские войны в начале 1990-х гг. (Грузия, Армения, Азербайджан, Таджикистан), росли с очень низкого уровня, а Беларусь получала значительный грант от Российской Федерации, позволявшей ей реэкспортировать нефть и произведенные из этой нефти нефтепродукты без уплаты экспортных пошлин. Для сравнения, мировой рост душевого ВВП за то же время составил 1,5 раза, в развитых странах OECD — 1,4 раза, т. е. рост душевого ВВП на постсоветском пространстве значительно опережал мировой. Даже в самой «неудачной» стране, Украине, он вырос более чем в полтора раза. То есть модернизация всё же происходит, просто раз-

² <https://www.imf.org/external/datamapper//export/excel.php?indicator=NGDPDPC> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

³ <https://bit.ly/3JsPTyD> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

ными темпами. По абсолютному же уровню лидируют Россия (11 786 долл. на душу населения) и Казахстан (11075 долл.), за ними со значительным отрывом следуют остальные, третья страна — Беларусь (6 839 долл.) отстает уже значительно. Однако Россия находилась в очевидно более благоприятных стартовых условиях.

Причины того, что страна не с самыми благоприятными стартовыми условиями оказалась на втором месте по душевому ВВП, стоит во многом видеть в том, что Казахстан находится на первом месте по прямым иностранным инвестициям на душу населения: 8 063 долл. На втором месте Туркмения с 6 520 долл., на третьем Грузия с 4 663 долл., на четвертом — Азербайджан с 3 234 долл. и лишь на пятом — Россия с 3 061 долл.⁴

Основные страны-инвесторы в Казахстан — Нидерланды, США и Швейцария (в сумме свыше половины), в России к половине приближается доля Кипра — в прошлом офшорная, сейчас полуофшорная юрисдикция, популярная именно в России, т.е. речь идет в первом случае о скорее международных инвестициях, а в России — о реинвестировании вывезенных из страны капиталов.

Финансовая стабилизация: уроки скудных лет

Исторически первым вызовом в большинстве постсоциалистических стран стала высокая инфляция после отпуска цен. Она блокировала экономический рост. В ситуации, когда ценники в магазинах менялись каждую неделю, никакой коммерческий проект, требующий инвестиций с окупаемостью даже в несколько месяцев (не говоря уже о годах), не мог серьёзно обдумываться предпринимателем.

В области борьбы с инфляцией страны были весьма похожи. Макрофинансовая стабилизация (падение инфляции ниже 50% годовых) случилась и в России, и в Казахстане в 1996 г. (21,8 и 28,6%), соответственно. Причем фактически можно сказать, что в Казахстане она была достигнута раньше, так как национальную валюту — тенге — ввели только в ноябре 1993 г., а до этого Казахстан находился в рублевой зоне. Сутью финансовой политики была классическая стратегия: ограничение денежной эмиссии. Бюджетная же политика в Казахстане была намного жёстче: доходы и расходы примерно сводились. В результате Казахстан оказался одной из немногих постсоветских стран, который миновал так называемый «азиатский финансовый кризис» и где не произошло дефолта или серьезной девальвации (инфляция по итогам 1998 г. в России составила 84,5%, а в Казахстане 1,9%) [Dabrowski, 2003].

В 2000-е гг. инфляция снижалась параллельно почти во всех странах региона. Если исключить Беларусь, то с 2001 г. все бывшие республики СССР имели инфляцию ниже 40%, с 2002 г. — ниже 30%, с 2003 г. — ниже 20% и с 2004 г. — ниже 15%. Однако дальнейшего существенного снижения инфляции не произошло: все страны региона, кроме Армении, имели инфляцию не ниже 4–5%. Впрочем, этой задачи и не ставилось. Была теоретическая установка, что для стран среднего уровня развития оптимальный уровень инфляции 5–10%, а не 2–3%, как для развитых стран.

После 2009 г. инфляция ниже 10% становится обычным явлением и нормой для всех стран региона, кроме Беларуси и Узбекистана (а также России и Украины после событий 2014–2015 гг.)⁵.

Россия провела переход к режиму инфляционного таргетирования в ноябре 2014 г., а Казахстан — в августе 2015 г. Этот режим более-менее соблюдается.

⁴ https://unctad.org/system/files/non-official-document/WIR2021_tab03.xlsx (дата обращения: 28 декабря 2021 г.)

⁵ World Economic Outlook database, October 2021 <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.)

Уроки «азиатского» финансового кризиса 1998 г. подтолкнули Казахстан и Россию на накопление резервов в годы высоких доходов при удачной конъюнктуре цен на экспортируемые ими энергоносители (Фонд национального благосостояния в России, Национальный Фонд Республики в Казахстане). Казахстан создал Национальный Фонд в 2001 г., и первым взносом в него послужила продажа 5% акций «Тенгизшеврола» за 600 млн долл. (на тот момент это всего 2,7% ВВП). Было определено, что в Национальный фонд поступают средства как от приватизации, так и от налогов предприятий сырьевого сектора, превышающих определённый, установленный проектом бюджета лимит, и от доли Казахстана в СРП. В период высоких нефтяных цен к 2009 г. удалось накопить 27,9 млрд долл. (24,1% ВВП), затем после вызванного мировым кризисом спада цен на нефть последовало падение, сменившееся, однако, новым ростом. К августу 2014 г., началу очередного падения цен на нефть, Фонд достиг капитала в 77,2 млрд долл. (34% ВВП), что позволило без сложностей пережить очередное, на этот раз еще более длительное, падение цен на нефть⁶. В РФ Стабилизационный фонд (поначалу разделенный на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния; первый предполагался для бюджетной балансировки, второй — для финансирования долгосрочных проектов) был создан позднее — в 2004 г. и финансировался только из налоговых поступлений сырьевых компаний при ценах на нефть, превышающий определённый уровень. Его размеры были более скромными — к августу 2008 г. объём накоплений составлял 7,3% ВВП, к августу 2014 г. — всего 4,7% ВВП. Но и это позволило относительно безболезненно преодолеть период снижения цен на энергоносители⁷.

Влияние приватизации на некоторые отрасли

Существует массовое восприятие приватизации как особенно коррупционного процесса. Оно основано на крайне слабой доказательной базе и подогревается некоторыми учёными [Dabrowski, 2003], что признают даже те, кто сами считают приватизацию коррумпированной (см. например, [Kaufmann, Siegelbaum, 1997]). К сожалению, многие коллеги так и не оставили попыток изобретения вечного двигателя централизованно-принудительной экономической системы. Некоторые разочарованы тем, что приватизация повсеместно прошла мимо их советов и рекомендаций. В силу завышенных ожиданий населения (быстрого поступления значительных сумм в наличных) любые заявления экономистов или журналистов о коррумпированной приватизации воспринимались многими с сочувствием.

Между тем подозрения и недоверие к итогам приватизации характерны не только для постсоветского пространства, куда западный инвестор не хотел приходить, опасаясь рисков и не видя надёжной защиты в виде уважаемого суда, эффективной и неподкупной полиции. Они полностью воспроизвелись и в новых землях Германии. Там приватизация проходила на уровне, непредставимом в Восточной Европе. Значительная часть имущества вернулась к прежним хозяевам. Использовались конкурсные продажи готовых к работе имущественных комплексов целиком. На реструктуризацию предприятий и очистку их от долгов [Cassel, 1996. P. 26] западногерманский налогоплательщик потратил свыше 100 млрд евро, но ожидания восточногерманской публики, а также сторонников социализма из западных земель всё равно не были оправданы, что вызвало вал критики⁸, хотя её острей было направлено отнюдь не на сомнительные стороны механизма приватизации, такие как

⁶ <https://www.sk.kz/investors/financial-performance/?lang=ru> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

⁷ <https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

⁸ <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/treuhand-chefin-birgit-breuel-im-interview-16294586.html>; <https://www.welt.de/politik/deutschland/article197203557/Treuhand-Chefin-Breuel-Westdeutsche-haetten-das-nicht-durchgehalten.html> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

безответственность чиновников при огромных полномочиях приватизационного ведомства — *Treuhandanstalt* [Cassel, 1996]⁹. Претензии сводились к тому, что люди недополучили того, что ожидали, а учёные не увидели свои планы, воплощёнными в жизнь.

Частным, но важным для Казахстана случаем является приобретение предприятия иностранным инвестором. В этой ситуации зачастую требуется заметное время для адаптации работников к новым требованиям, а собственника и менеджеров — к работе в совершенно незнакомой культурной и правовой среде. В результате ожидания быстрого и резкого роста производства, зарплат, выплаты налогов зачастую не оправдываются [Uhlenbruck, De Castro, 2000], а подозрения по отношению к иностранным собственникам усиливаются.

Некоторые исследователи истории приватизации отмечают ключевое значение замены менеджеров для успеха приватизации [Dyck, 1997]. Приватизация в целом эффективна, когда собственность по её итогам сконцентрирована, а не размазана (что подтверждают исследования, в том числе ссылающиеся на информацию из Казахстана и других стран СНГ, собранную Всемирным банком в 1997 г. [Megginson, Netter, 2001]).

Приватизация предприятий, выходящих на рынок товаров, продаваемых непосредственно потребителю и в России, и в Казахстане, зачастую сталкивалась с дополнительными трудностями. Для защиты потребителя и ограничения темпов инфляции власти либерализовали импорт. Импорт, конкурируя с не имеющими опыта работы в рыночных условиях приватизированными предприятиями, сдерживал их развитие [Djankov, Murrell, 2002. P. 783]. Это происходило до тех пор, пока к управлению не приходил предприимчивый собственник, ориентированный на рынок и имеющий опыт работы на нём.

Сравнительно быстрая адаптация была возможна только в странах с типом культуры, максимально близким к культуре стран новых собственников, да ещё и в сочетании с решительностью и политической волей властей в привлечении в том числе и иностранных собственников. Это уже к концу 1990-х гг. сыграло заметную положительную роль в Эстонии, но не в Словении, с её более осторожной и растянутой во времени политикой приватизации [Damijan, Knell, 2005]. Очевидна невыполнимость и недостижимость таких требований и условий в других постсоветских странах.

Следует подчеркнуть, что бóльшую часть этих кажущихся сегодня очевидными уроков приватизации в начале 1990-х гг. выучить было негде. Чем обширнее был опыт приватизации (например, в Англии при правительстве М. Тэтчер), тем менее применимым он был в постсоциалистических странах. В отличие от Англии 1980-х гг. массового непрерывного опыта своего и предков в постсоветских странах не было. Далекое не все избиратели (зачастую даже не большинство), равно как и далеко не все политики в принципе принимали идею приватизации. В результате новым государствам предстояло наступать на собственные грабли. Судить об успешности или провале приватизации следует, помня о тех политических ограничениях, в которых она проходила, и задавая каждый раз простой вопрос — существовал ли лучший способ решения проблем и привела ли приватизация в конечном итоге к значимому улучшению ситуации или нет?

Политика в сфере приватизации государственной собственности уже с 1990-х гг. стала серьёзно отличаться в двух рассматриваемых странах. В России огромную проблему при проведении законодательства о приватизации представлял политический фактор. На критике приватизации как таковой, её недостаточной «щедрости» или «справедливости» зарабатывали политический капитал разные группы и партии, от оппозиционных до лоялистских. В Казахстане политические баталии вокруг приватизации играли заметно меньшую роль, хотя обвинения в «разбазаривании собственности» со стороны коммунистов звучали и там. Важно и то, что Н. Назарбаев неизменно сохранял большин-

⁹ Подробнее см. русское издание: Кассель М. Как правительства проводят приватизацию. Политика дивестирования в Соединенных Штатах и Германии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — Прим. ред.

ство в парламенте, в то время как ни в Верховном совете РФ, ни в первых двух созывах Государственной думы — то есть на протяжении всех 1990-х гг. — Б. Ельцин его не имел.

Первыми шагами по-настоящему массовой приватизации стала приватизация предприятий торговли, общественного питания и обслуживания. Большинство из них не преобразилось мгновенно, но именно эта приватизация открыла дорогу и к нормализации ситуации на рынке, и к росту небольшого числа успешных бизнесов. И в России, и в Казахстане этот процесс пришелся в основном на 1991–1993 гг. В этом контексте не следует забывать и про совсем «малую» приватизацию — квартир, небольших земельных участков. Она дала небольшое количество людей, видевших перспективу в бизнесе и готовых рисковать. Эти люди использовали своё имущество в качестве залога на старте ведения бизнеса, и для некоторых из них это было стартом впечатляющей карьеры.

Наиболее массовой и спорной процедурой приватизации крупных промышленных объектов, очевидно, была чековая (в Казахстане — купонная) приватизация [*Постсоветская и мировая модернизация...*, 2021. С. 119–123]. Этот способ, по воспоминаниям Е. Гайдара, А. Чубайса и других членов «правительства реформ», был, по сути, навязан им принятым задолго до формирования правительства законом о приватизации. Правительству удалось лишь смягчить несовершенство этой нормы, заменив именные приватизационные счета на свободно обращающиеся приватизационные чеки [*Гайдар, 1996; Приватизация...*, 1999].

В результате любой желающий быстро получить наличные в обмен на призрачные будущие права на часть «общенародной собственности» мог это сделать за 30–40 долл. Можно спорить о том, насколько значительным был краткосрочный выигрыш и насколько велик долгосрочный проигрыш, но очевидно, что отказ от подобной схемы массовой приватизации либо выбор чешского варианта, частично обесценивающего продаваемый по более сложной процедуре актив, привели бы к существенно худшей политической ситуации. Долгосрочный же проигрыш связан не столько с пороками чековой приватизации как таковой, сколько с затянувшейся постреволюционной рецессией, связанной как с недостаточно жёстким курсом на финансовую стабилизацию, так и с политической нестабильностью.

Постепенно многие крупные предприятия оказались либо в распоряжении старого директората (некоторые, как, например, Магнитогорский металлургический комбинат, — до сих пор), либо попали в руки «скупщиков ваучеров». Считавшийся тогда крупнейшим «Газпром» сохранил контрольный пакет в руках государства, а акции миноритарных акционеров — физических лиц постепенно переходили в руки финансово-промышленных групп (ФПГ).

Отдельной историей стали «залоговые аукционы», объявленные в 1995 г. В эту группу попал ряд крупных объектов, прямая приватизация которых законодательно была заблокирована Государственной думой. Формально была использована схема, по которой ФПГ дают правительству кредиты под залог акций. Но эти кредиты никто в правительстве не собирался возвращать, и в результате собственность доставалась кредиторам. Отдельной проблемой было фактическое назначение победителя залогового аукциона (реальной конкуренции не было) и запрет участия в нём иностранцев, которые, несомненно, могли рискнуть и выиграть. В итоге среди крупной собственности практически не было иностранных акционеров — разве что, в металлургической компании «Мечел». В 1997–2002 гг. настал недолгий период аукционной приватизации (25% «Связьинвеста», «Восточная нефтяная компания», «Славнефть»), сменившейся линией на национализацию в 2003 г. Она осуществлялась или насильственно (ЮКОС, «Башнефть», «Русиа петролеум»), либо путем полупринудительного выкупа акций государством (тот же «Связьинвест», «Сибнефть», ТНК-ВР, «Нортгаз», «Сахалин-2», «Харьятинское месторождение», многие банки с частным капиталом и др.). Эффективность государственных компаний и частных легко сравнить на примере «Газпрома» и частного «Новатэка» — крупнейшей независимой газодобывающей

компании. Добыча «Газпрома» стагнирует на протяжении уже 12 лет — если в 2008 г. он добывал 549,7 млрд м³, то в 2020 г. — 477,6 млрд м³.¹⁰ В то время как «Новатэк» добывал в 2008 г. 30,9 млрд м³, а в 2020 г. — уже 77,3 млрд м³.¹¹

Приватизацию в Казахстане планировалось провести в три этапа. На первом, в 1992 г., осуществлялась приватизация 50% малых и средних предприятий в промышленности и сельском хозяйстве, приватизация объектов торговли и сферы услуг. На втором этапе (1993–1996 гг.) предполагалось сосредоточиться на приватизации средних и крупных предприятий. На третьем этапе, к 2000 г., приватизация заканчивалась [Ермакович, Козаржевский, Панькув, 1996]¹². Однако практически приватизация прошла быстрее. Она осуществлялась тремя основными способами: в пользу трудового коллектива, на аукционах или на тендерах. Трудовой коллектив мог выкупить 20% акций предприятия, остальные выкупались с рассрочкой до 10 лет. Фактически это было близко к практически бесплатной передаче этих акций, потому как этот период был периодом высокой инфляции.

Совсем другая схема предусматривалась для крупных предприятий: трудовому коллективу передавался небольшой пакет акций, основной пакет предназначался к продаже за деньги или к распределению в рамках «купонной приватизации», также государство могло сохранять за собой определенную долю. Однако в 1992–1993 гг. оказалось, что большая часть акций так и осталась у государства, потому что акции планировалось продавать мелкими пакетами, а не одному инвестору в одни руки. В итоге вместо запланированной приватизации половины малых предприятий были приватизированы порядка 35%, а затем процесс затянулся и проходил параллельно с приватизацией средних и крупных предприятий. Проблемой этого, купонного этапа, стала предельная дробность продаваемых акций [Зарецкая, 2003].

В отличие от России, граждане Казахстана не могли продавать купоны друг другу, а должны были вкладывать в инвестиционные фонды. В итоге значительная часть предприятий оказалась передана в оригинальную форму собственности — «доверительное управление», причем таким управлением мог заниматься как казахский, так и иностранный инвестор. Так были приватизированы Павлодарский алюминиевый завод, Тургайский и Краснооктябрьский бокситовые заводы, Соколово-Саргайский и Донской ГОК, Карагандинский металлургический комбинат. Управляющий был обязан осуществить определённые инвестиции, после которых завод переходил в его собственность.

Особняком стояла приватизация нефтяного сектора, обеспечивающего доходы бюджета, но вместе с тем нуждающегося в крупных инвестициях, которых казахстанские инвесторы и население предоставить не могли. По сути, речь шла об индивидуальном привлечении крупного инвестора, переговоры об этом вел Президент Казахстана Н. Назарбаев. В результате 6 апреля 1993 г. была создана совместная компания «Тенгиз-шевройл» (Tengizchevroil) — крупнейшее нефтедобывающее предприятие, срок функционирования которого был определен в 40 лет. 50% в этом СП получил Chevron, 25 — ExxonMobile, 5 — «Лукойл» и 20 — казахская государственная компания «Казмунайгаз». По схожей схеме были приватизированы вторая и третья по величине добычи компании — Кашаганское месторождение (акционеры AgipCaspian Sea, KMG Kashagan, Total, ExxonMobil, Shell, CNPC, Inpex) и Караганчакское (Royal Dutch Shell, Eni, Shevron, «Лукойл» и «Казмунайгаз»). В 1997 г. казахстанские инвесторы приобрели 50% в четвёртой по величине компании «Мангистаумунайгаз»¹³. Такая схема, привлёкшая различных инвесторов на длительный

¹⁰ <https://www.gazprom.ru/investors/disclosure/reports/2020/> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹¹ https://www.novatek.ru/ru/investors/disclosure/annual_reports/ (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹² http://www.case-research.eu/upload/publikacja_plik/4886209_085r.pdf (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹³ <https://psa.kz/press-tsentr/20-let-so-dnya-podpisaniya-soglasheniya-o-razdele-produktsii/> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

срок, причем по схеме «соглашений о разделе продукции» (СРП), создающих для инвесторов гарантии неухудшения налогового климата, оказалась довольно эффективной для развития отрасли.

Российская Федерация пошла по пути индивидуального привлечения инвесторов в нефтяную отрасль и заключения СРП чуть позже. Соответствующий закон был принят в конце 1995 г., а СРП заключены в 1996–1997 гг. Всего их было заключено три: «Сахалин-1» (оператор Exxon с долей в 30%, японская Sodeco также с 30%, «Роснефть» и индийская ONGC — по 20%), «Сахалин-2» (оператор Shell — 55%, Mitsui — 25% и Mitsubishi — 20%) и «Харьяга» в Ненецком автономном округе (оператор Total — 40%, Statoil — 30%, «Зарубежнефть» — 20% и Ненецкая нефтяная компания — 10%). Результаты вполне впечатляют: Ненецкий автономный округ сейчас является самой богатой территорией России по доходам на душу населения, Сахалинская область — на четвертом месте (для сравнения, Москва — на шестом)¹⁴.

В 2011 г. в Казахстане была объявлена программа «народных IPO». Речь шла о продаже населению на бирже акций государственных компаний, что увеличило бы их прозрачность и ответственность¹⁵. Удалось вывести на биржу «КазТрансОйл» и KEGOC (оператор энергетических сетей), эти компании показывают стабильный рост капитализации (от 1,5 до 3 раз) и прибыль. Однако надо учитывать, что, по сути, это компании-монополисты, прибыль которых зависит от государственных тарифов. С остальными компаниями оказалось не так просто. Обсуждался вывод на биржу «Казмунайгаза», Air Astana, «Казпочты», «Казактелекома», однако из-за рыночных условий их приватизация была отложена. В 2021 г. объявлено о возобновлении программы «Народное IPO».

В России же, например, опыт «народного IPO» оказался куда менее удачным. Если размещение «Роснефти», прошедшее в период резкого роста цен на нефть в 2006 г., можно считать успехом, то «народное IPO» банка ВТБ в 2007 г. обернулось проблемой и для 130 тыс. его новых акционеров, и для государства после того, как капитализация банка рухнула вдвое в результате кризиса 2008–2009 гг. И накануне президентских выборов 2012 г. власти постановили выкупить эти акции по начальной цене.

Сравнение впечатляет: добыча нефти в Казахстане, снижавшаяся в первые постсоветские годы, выросла с нижней точки в 1994 г.: от 20 млн т в 4,6 раз — до 92 млн т в 2019 г. В то время как в России с нижнего пика в 1997 г. от 304 млн т лишь 1,7 раза — до 512 млн т в 2019 г.¹⁶

Факторы инвестиционной привлекательности

Говоря об инвестиционной привлекательности или, если угодно, инвестиционной конкуренции между Россией и Казахстаном, стоит рассмотреть несколько факторов. Во-первых, никуда не делся фактор налогов. В Казахстане — низкие налоги (по методологии Paying Taxes, налоговая нагрузка составляет всего 28,4% от прибыли стандартной компании, что ниже, чем у всех постсоветских республик, кроме Грузии и Армении; в России — 46%). Особенно в ряду налогов выделяется низкий НДС (12%; в России — 20%), невелик также плоский подоходный налог (10%, в России — общий 13% и 15% для доходов свыше 5 млн руб. в год), социальные отчисления (23%, в России — 30%)¹⁷.

¹⁴ <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-vyyavila-sistemnye-problemy-v-oblasti-realizacii-srp-20368> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹⁵ https://forbes.kz//finances/investment/na_arene_vse_te_je_1619624302/? (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹⁶ <https://yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statistics.html> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹⁷ <https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/publications/paying-taxes-2020/overall-ranking-and-data-tables.html> (дата обращения 28 декабря 2021 г.).

Во-вторых, это низкие административные барьеры. Согласно последнему (2020 г.) рейтингу Doing Business (рейтинг далее выпускаться не будет), Казахстан находится на 25-м месте в мире по лёгкости ведения бизнеса, Россия — на 29-м месте¹⁸. Индекс экономической свободы от Heritage foundation ставит Казахстан на 34-е место, Россию на 92-е¹⁹. Связь между прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) и Индексом экономической свободы в представленных данных присутствует. Так, среднее место в Индексе экономической свободы для первых шести стран по привлечению ПИИ — 62-е, а для последних шести стран — 104-е. Этот результат — не простое совпадение. Исследователи (например, [Kapuria-Foreman, 2007]) отмечают связь индекса экономической свободы, особенно некоторых его компонентов, с уровнем ПИИ. Наиболее высоки показатели Казахстана в данном Индексе в сферах, связанных с бюджетной политикой (в интерпретации авторов Индекса — с «размерами государства») и по показателям фискального здоровья.

Отдельно стоит упомянуть уникальный на постсоветском пространстве институт Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), который кроме налоговых льгот (таких примеров немало) предусматривает разрешение споров между его участниками специальным судом из авторитетных зарубежных юристов по английскому праву. Возможно обращение в суд и для иных юридических лиц, не являющихся участниками МФЦА, если это предусмотрено в их контрактных соглашениях. Решение о создании МФЦА было принято в 2015 г., и уже в 2018 г. он стартовал, приняв первых резидентов. В 2021 г. их число превысило тысячу, за год почти удвоившись. В МФЦА существует и своя биржа, требования для эмитентов которой аналогичны требованиям Лондонской биржи. При этом для среднего бизнеса — так называемого «регионального рынка акций» (REMS) — действуют упрощенные требования [Дауленов, Абилова, 2016]²⁰. Фактически это уникальное предложение на пространстве СНГ.

В России возникали аналогичные идеи еще раньше, в 2008 г. В 2010 г. вышел указ Президента РФ о создании «Рабочей группы по созданию международного финансового центра в Российской Федерации при Совете при Президенте РФ по развитию финансового рынка» во главе с бывшим главой администрации Президента А. Волошиным²¹. Однако, насколько известно, ключевая идея о применении элементов экстерриториальности (собственных нормативных актов, собственного суда и т. п.) натолкнулась на отрицательную реакцию в правительстве. В итоге МФЦ в России остался не более чем некоммерческой организацией и фактически всеми забыт.

Вторая попытка — инновационный центр «Сколково». Законодательство 2010 г. предусматривает для резидентов особый правовой режим (некоторые нормативные правовые акты на территории «Сколково» не действуют), налоговые льготы, а также послабления в визовом режиме для привлекаемых специалистов²². Привлечённые инвестиции в 2016–2019 гг. составляли от 19 до 33 млрд руб./год²³, в 2020 г. упали до 18,8 млрд. Главной проблемой «Сколково» стал факт, что этот институт привлекает не новый бизнес, ранее отсутствующий в России, а уже существующий — ради налоговых льгот. То же касается существующих 89 «территорий опережающего развития» в моногородах и «особых экономических зон»²⁴. Режим ТОР более продвинутый, в отличие от ОЭЗ он позволяет вести разработку месторождений (с нулевым налогом на прибыль в течение четырех лет) и производить подакцизные товары, платить низкие социальные платежи (7,6%). Однако проблема

¹⁸ <https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

¹⁹ <https://www.heritage.org/index/ranking> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

²⁰ https://pravo.ru/opinion/207546/?mob_search= (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

²¹ <https://mfc-moscow.com/index.php?id=76> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

²² <https://docs.cntd.ru/document/902237250> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

²³ <https://erdc.ru/about-tor> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

²⁴ <https://erdc.ru/about-tor> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

в том, что особых месторождений в ТОП нет, а филиалы вне ТОП запрещены. Ключевой проблемой российских особых зон является то, что власти не готовы предоставить им тот или иной уровень экстерриториальности, в то время как коррумпированность и зависимость судебной системы от властей — одна из ключевых проблем.

Наконец, стоит упомянуть и о тех обстоятельствах, которые принято называть «геополитическими». Казахстан проводит многовекторную политику, сохраняя хорошие отношения и со странами СНГ, прежде всего крупнейшим по ёмкости в СНГ рынком — Россией, и с европейскими странами — основными покупателями природных ресурсов и инвесторами, и с Китаем — также крупным рынком и серьезным инвестором. Казахстан не имеет никаких территориальных претензий к соседям, и, в свою очередь, соседи не имеют претензий к нему. Против Казахстана не действуют международные санкции, тем более с тенденцией к их расширению. Потому токсичность Казахстана как страны относительно молодой и малоизвестной в мире значительно ниже, чем токсичность России.

Опыт реформ постсоветских стран подтвердил основанные на выстраданном ранее опыте десятков стран положения, описанные в классической работе Д. Уильямсона²⁵. Неконтролируемые расходы при низких и нестабильных доходах, зарегулированная государством частная экономическая инициатива, тяжёлое налоговое и таможенное бремя надёжно и надолго блокируют экономический рост. Уильямсон писал про Латинскую Америку, но оказалось, что это подходит и для постсоветского пространства.

Необходима налоговая и бюджетная реформа, сводящая дефицит бюджета близко к минимуму, делающая число налогов небольшим, их ставки — необременительными, технику администрирования — простой. Выучив эти уроки на собственном опыте, Казахстан и Россия вслед за странами, прошедшими по сценарию радикальных рыночных реформ, сумели стабилизировать национальные валюты и приняли некоторые очевидные меры по смягчению будущих экономических шоков.

Бюджеты и процесс их принятия стал куда более упорядоченным и прозрачным, чем на старте реформ. Приняты некоторые меры по предотвращению расточительных трат бюджетных ресурсов. Наконец, в годы удачной внешнеторговой конъюнктуры при высоких экспортных ценах были сделаны накопления для амортизации будущих шоков. Приватизация медленнее, чем хотелось бы, но привлекла значительные частные инвестиции в экономику, разгрузив государственные бюджеты. Субсидирование убыточных предприятий, бывшее значимой статьёй расходов на старте реформ, значительно снизилось. Однако для выхода на траекторию долгосрочного, здорового экономического роста предстоит решить немало тяжёлых проблем.

Самый сильный стимул к развитию всех видов экономической деятельности

Нам приходилось много и подробно писать о том, насколько важно для обеспечения прав собственника и собственности, а значит для долгосрочного экономического роста утверждение и поддержание власти закона [Лисин, Яновский, Жаворонков и др., 2011; Яновский, Жаворонков, Затковецкий, Черный, 2018]. Недостаточно принять продуманные законы (такие как, к примеру, статья 77 Конституции Казахстана). Необходимо, чтобы на страже закона стояла полиция, которой общество доверяет и которая борется с преступностью, а не конкурирует с нею. Необходима прокуратура, которая стоит на страже приме-

²⁵ <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/what-washington-means-policy-reform> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

нения закона самим государством, а не является простым придатком карательных органов, наконец, и главное — независимый и беспристрастный суд.

Некоторые принятые в Казахстане меры (суд МФЦА) подробно описаны выше. Однако долгосрочный успех зависит от того, будут ли эти меры расширены так, чтобы суд подобного качества (хотя бы апелляционной инстанции) защищал права всех граждан, а не только крупных инвесторов в столице и в больших городах.

Необходимо дать судье гарантии несменяемости и независимости. Обычно они даются путем прозрачной для общества и сложной процедуры назначения на высшем политическом уровне (статья 82 Конституции Казахстана, к примеру, открывает возможности эти принципы относительно просто реализовать). И намного более сложной и также прозрачной должна быть процедура отрешения от должности (импичмента — по образцу американского). Именно уверенность судьи в том, что он фактически несменяем (отрешение от должности крайне затруднено) даёт ему уверенность в себе при принятии решений и ослабляет давление на него как бюрократов, так и улицы (общественного мнения)²⁶.

При этом защита от давления политического не должна освобождать судью от давления морального. Открытость для общества судебного процесса за редкими специальными исключениями нужна именно для того, чтобы судья оставался «под судом общественной морали»²⁷. Потребуется время, чтобы при самых разумных и выверенных законах укомплектовать судебную систему людьми, для которых новые законы уже не новы и являются воплощением очевидных и общепринятых принципов и норм.

Длительность и сложность даже самой успешной реформы окупается со временем. Так, реформа Александра II дала свои плоды через десятилетия после принятия необходимых решений. Тогда суд превратился в почитаемую инстанцию, способную (в том числе благодаря институту присяжных заседателей) говорить «нет» даже самодержавной власти. Тогда же, после царя Александра II — реформатора, профессия адвоката превратилась в весьма уважаемую, а речи ведущих юристов стали излюбленным чтением просвещенной публики. И в Российской империи конца XIX в., как и ранее в Нидерландах, Великобритании, в США уважаемый суд, защищающий права (и плоды труда, вдохновения и успеха) каждого, привели к беспрецедентным темпам экономического роста на самой надежной и здоровой основе.

Долгий путь к процветанию

Соотношение растущих по мере старения населения социальных обязательств бюджета с объемом и качеством социальных услуг ухудшается во всех развитых странах. Постсоветским странам, не дожидаясь худшего, необходимо придать гибкость социальным гарантиям и резко повысить эффективность расходов на образование, здравоохранение, надёжно гарантировать сбережения на старость. Необходимо резко усилить стимулы для ответственного поведения самих граждан, для их инвестиций в (собственный и своих детей) человеческий капитал.

²⁶ Выбранное в России и в Казахстане направление (Закон «О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан» Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2015 года № 436-V ЗРК.) представляется недостаточно радикальным и полным. Внимание общества к обсуждению вопросов об отстранении судьи в процессе работы специализированных органов, будь то судебная система как в России, так и в Казахстане, несравнимо меньше, чем, например, к деятельности национального парламента.

²⁷ Упомянутый выше орган при Верховном суде и Этический кодекс судей смогут работать только в том случае, если у общества появятся механизмы контроля над работой суда через максимальную открытость последнего и через определенные законом возможности фиксации действий судьи для придания им гласности.

Для этого придётся постепенно возвращать ответственность за принятие решений и часть ныне изымаемых через налоги ресурсов семье, структурам гражданского общества. Ваучеры или опыт бывшего «церковного налога» в Испании могут стать полезной школой личной ответственности и личного выбора и подготовить граждан, семьи и общество к самостоятельному решению большинства социальных проблем.

Для долгосрочного успеха стране с ещё вчера переходной экономикой необходимо дать уверенность инвесторам. Важно гарантировать не только неприкосновенность вкладов и инвестиций, но и самого инвестора. Для этого потребуется то, о чем писал Адам Смит: независимый, беспристрастный, а потому уважаемый суд, защищающий права как «высших, так и низших» и тем самым дающий самый сильный стимул к развитию всех видов экономической деятельности [Смит, 2007]. Потому что гарантии собственности нужны не только иностранному инвестору в столичных городах. Надёжная судебная защита нужна и фермеру, и владельцу малой пекарни или кафе, и владельцу и водителю грузовика в любой точке страны. Пока же товары «made in Kazakhstan» не бросаются в глаза в каждом супермаркете Европы или хотя бы стран СНГ. А это — сигнал того, что ещё очень многое предстоит сделать для расширения и углубления положительного опыта.

Особое значение имеет осторожность при принятии решений. Особенно, при копировании западного «передового опыта», тех западных институтов, про которые М. Фридман писал мексиканским коллегам в 1994 г. «мы можем позволить себе ... все эти глупости... вы — нет».

Тут можно порекомендовать использовать критерий ста лет успеха. Если, и только если, институты — правила и поддерживающие их структуры дают пример несомненного успеха в течение ста лет в разных странах, можно начать обсуждение пользы их заимствования. В частности, большая осторожность целесообразна в отношении неапробированных с успехом в ходе многолетней практики социальных, экологических обязательств государства, включая международные.

Тогда оправдывается условный прогноз А. Смита: «Не так много требуется для того, чтобы привести государство к высшей степени процветания с низшей ступени варварства: мир, необременительные налоги и приличное правосудие. Всё остальное достигается естественным ходом вещей»²⁸.

* * *

Недавние события января 2022 г. в Казахстане (как ранее в 2011, 2019 и 2021 гг. в России) с очевидностью ставят вопрос не только об экономических институтах, подробно разобранных в данной статье, но и об институтах политических. Невозможно быть современной страной, если в ней экономические агенты не уверены в завтрашнем дне, власть бесконечно самопереназначается и привычны репрессии против недовольных. Неправовые политические практики невозможно изолировать от экономических, они неизбежно будут разрастаться, нанося ущерб не только в стабильном состоянии страны, но и в неизбежной в определенный момент ситуации необходимости силовой коррекции существующего правительства («снизу» или «сверху», в междоусобной борьбе).

Такой момент оказывается очень сложно прогнозировать. Никакой общий рост экономических показателей не гарантирует правительство от падения. К примеру, революционные события на Украине в 2004 г. случились в год самого высокого экономического роста (в 12%), которого не было ни до, ни после, а события 2014 г. произошли после нулевого роста (но не спада!) в 2013 г. Транспарентные правила нужны не только в экономике,

²⁸ «Little else is requisite to carry a state to the highest degree of opulence from the lowest barbarism, but peace, easy taxes, and a tolerable administration of justice: all the rest being brought about by the natural course of things» (цит. по [Stewart, 1793]; <https://oll.libertyfund.org/quotes/436> (дата обращения: 28 декабря 2021 г.).

но и в политике. Тогда возможная смена власти не будет чревата потрясениями. Известный политолог А. Пшеворский ввел термин «two turn-off» (два переключения), означающие две мирные передачи власти подряд как критерий стабильной демократии. Этот критерий вполне подтверждается современной историей. К сожалению, большинство постсоветских стран этого пока не достигли. Но это остаётся им пожелать.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдар Е.Т. (1996). Дни поражений и побед. — М.: Вагриус.
- Дауленов М.М., Абилова М.Н. (2016). Английское право на страже прав инвесторов в международном финансовом центре «Астана» // Право и государство. № 3. С. 29–36.
- Ермакович В., Козаржевский П., Панькув Ю. (1996). Приватизация в Республике Казахстан. — Варшава: CASE.
- Зарецкая С.Л. (2003). Приватизация в Казахстане: основные направления и итоги // Приватизация в России и других странах СНГ / В.А. Виноградов (ред). — М.: ИНИОН РАН. С. 149–188.
- Лисин В., Яновский К., Жаворонков С. и др. (2011). Институциональные ограничения современного экономического роста. — М.: Дело.
- Постсоветская и мировая модернизация: итоги тридцати лет. (2021). М.: ИНП РАН.
- Приватизация по-русски (1999). — М.: Вагриус.
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо.
- Яновский К., Жаворонков С., Затковецкий И., Черный Д. (2018). Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира. — М.: Дело.
- Cassell M. K. (1996). The Treuhandanstalt, Privatization and the Role of the Courts. Discussion Paper FS I 96–316, 1996. <https://www.academia.edu/56032085>.
- Dabrowski M. (2003). Disinflation strategies and their effectiveness in transition economies // Disinflation in transition economies. Dabrowski M. (ed.). Budapest, New York: Central European University Press. Pp. 1–36.
- Damijan J. & Knell M. (2005). How Important Is Trade and Foreign Ownership in Closing the Technology Gap? Evidence from Estonia and Slovenia // Review of World Economics, Springer, Kiel Institute for the World Economy. Vol. 141. No. 2. Pp. 271–295.
- Djankov S., Murrell P. (2002). Enterprise Restructuring in Transition: A Quantitative Survey // Journal of Economic Literature. Vol. 40. No. 3. Pp. 739–792.
- Dyck I.J.A. (1997). Privatization in Eastern Germany: Management Selection and Economic Transition. // The American Economic Review. Vol. 87. No. 4. Pp. 565–597.
- Kapuria-Foreman V. (2007). Economic freedom and foreign direct investment in developing countries. // The Journal of Developing Areas Vol. 41. No. 1. Pp. 143–154.
- Kaufmann D., Siegelbaum P. (1997). Privatization and Corruption in Transition Economies. // Journal of International Affairs. Vol. 50. No. 2. Privatization: Political and Economic Challenges. Pp. 419–458.
- Meggison W., Netter J. (2001). From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatization // Journal of economic literature. Vol. 39. No. 2. Pp. 321–389.
- Stewart D. (1755). Notes of lectures Adam Smith gave in 1755. Presentation to the Royal Society of Edinburgh in 1793. <https://oll.libertyfund.org/quote/adam-smith-on-the-need-for-peace-easy-taxes-and-a-tolerable-administration-of-justice-1755>.
- Uhlenbruck K., De Castro J.O. (2000). Foreign Acquisitions in Central and Eastern Europe: Outcomes of Privatization in Transitional Economies. // The Academy of Management Journal. Vol. 43. No. 3. Pp. 381–402.

Жаворонков Сергей Владимирович

javoronkov@iep.ru

Sergei Zhavoronkov

Senior research fellow, Gaidar Institute (Moscow)

javoronkov@iep.ru

Новиков Вадим Витальевич

vadim.v.novikov@gmail.com

Vadim Novikov

Senior research fellow, Russian presidential academy of national economy and public administration (Moscow)

vadim.v.novikov@gmail.com

Прощенкова Анастасия Анатольевна

stacy_forgain@mail.ru

Anastasia Proshchenkova

Student, Russian presidential academy of national economy and public administration (Moscow)

stacy_forgain@mail.ru

THIRTY YEARS OF REFORMS: PETROSTATE EXPERIENCE IN THE POST-SOVIET STATES

Abstract. The article reviews outcomes of 30 years of reforms in two oil and gas exporting countries — Russia and Kazakhstan. While Russia had clear advantages at the start, current GDP per capita in two countries now are almost the same and Kazakhstan leads in attraction of Direct foreign investments per capita. Three main aspects of economic policy are considered — financial stabilization, privatization and investment attraction. History and scenario of financial stabilization was similar in two countries and succeeded to suppress inflation in a rather extended period — about 4 years. Privatization was carried out in the same way only at the first stage. Russia took the path of transferring large property to domestic business on insider conditions, Kazakhstan — along the path of attracting large international investors on the basis of individual agreements. In the area of investment promotion, Russia followed the path of creating territories with preferential tax treatment (Skolkovo, Advanced development territories, Special Economic Zones), Kazakhstan — along the path of creating Astana AIFC, which, in addition to tax benefits, has its own state-recognized court based on English law with justices' positions filled by reputable foreign judges.

Keywords: *financial stabilization, privatization, investment attraction, property rights judicial protection.*

JEL: E31, N54, N55, O13, O43.

REFERENCES

- Cassell M.K. (1996). *The Treuhandanstalt, Privatization and the Role of the Courts*. Discussion Paper FS I 96–316, 1996. <https://www.academia.edu/56032085> (access date: 28.12.2021).
- Dabrowski M. (2003). Disinflation strategies and their effectiveness in transition economies // *Disinflation in transition economies*. M. Dabrowski (ed.). Budapest and New York: Central European University Press Pp. 1–36.
- Damijan J., Knell M. (2005). How Important Is Trade and Foreign Ownership in Closing the Technology Gap? Evidence from Estonia and Slovenia // *Review of World Economics, Springer, Kiel Institute for the World Economy*. Vol. 141. No. 2. Pp. 271–295.
- Daulenov M.M., Abilova M.N. (2016). Ungliyskoe parvo na straje prav investorov v mezhdunarodnom finansovom tsentre “Astana” // *Pravo i gosudarstvo*. No. 3. Pp. 29–36. (In Russ.)
- Djankov S., Murrell P. (2002). Enterprise Restructuring in Transition: A Quantitative Survey // *Journal of Economic Literature*. Vol. 40. No. 3. Pp. 739–792.
- Dyck I.J.A. (1997). Privatization in Eastern Germany: Management Selection and Economic Transition // *The American Economic Review*. Vol. 87. No. 4. Pp. 565–597.
- Ermakovich V., Kozarzhovsky P., Pankov U. (1996). *Privatizatsiya v resoublike Kazakhstan*. — Варшава : CASE, 1996. (In Russ.)
- Gaidar E.T. (1996). *Dni Porajeniy i pobed*. [The days of victories and the days of defeats]. — Moscow: Vagrius, 1996. (In Russ.)
- Kapuria-Foreman V. (2007). Economic freedom and foreign direct investment in developing countries // *The Journal of Developing Areas*. Vol. 41. No. 1. Pp. 143–154.

- Kaufmann D., Siegelbaum P. (1997). Privatization and Corruption in Transition Economies. // *Journal of International Affairs*. Vol. 50. No. 2. Privatization: Political and Economic Challenges. Pp. 419–458.
- Lisin V., Yanovskiy K., Zhavoronkov S. et al. *Institutsionalniye ogranichenia sovremennovo ekonomicheskogo rosta*. [Institutional Constraints on Modern Economic Growth]. — M.: Delo. (In Russ.).
- Meggison W., Netter J. (2001). From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatization // *Journal of economic literature*. Vol. 39. No. 2. Pp. 321–389.
- Postsovetskaya i mirovaya modernizatsiya: itogi tridzati let* (2021). [Post-soviet Modernization: results of three years]. M.: Institute of Economic Forecasting, RAS. (In Russ.).
- Privatizatsiya po-rossiyski*. [Privatization in-Russian]. — M.: Vagrius. (In Russ.).
- Smith A. (2007). *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [The Wealth of Nations: An inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations]. — M.: Eksmo. (In Russ.).
- Stewart D. (1755). *Notes of lectures Adam Smith gave in 1755. Presentation to the Royal Society of Edinburgh in 1793*. <https://oll.libertyfund.org/quote/adam-smith-on-the-need-for-peace-easy-taxes-and-a-tolerable-administration-of-justice-1755> (access date: 28.12.2021).
- Uhlenbruck K., De Castro J.O. (2000). Foreign Acquisitions in Central and Eastern Europe: Outcomes of Privatization in Transitional Economies. // *The Academy of Management Journal*. Vol. 43. No. 3. Pp. 381–402.
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S., Zatskovetsky I., Cherny D. (2018). *Strategiya dolgosrochnogo procvetaniya: v poiskah rastayavshogo orientira* [Long-Term Prosperity Strategy: In Search of a Melted Landmark]. — M.: Delo. (In Russ.).
- Zaretskaya S.L. (2003). Privatizatsiya v Kazakhstane: osnovniye napravleniya i itogi. Pp. 149–188 // *Privatizatsiya v Rossii i drugih stranah SNG* V.A. Vinogradov (ed.). — M.: Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), 2003. (In Russ.)